

Анастасия МИРОНОВА

MAMA!!!

Рассказ

Не все персонажи этой истории выдуманы

«Мама-а-а-а-а!!!»

«Ma-a-a-a-ma!!!»

[illegible]

«Мам! Ну, мам! Пора?»

Ближе к восьми, когда тяжелые сумерки своей полупрозрачной серостью накрывали двор, детская площадка взрезалась, словно пулями, тревожными тоненькими голосами. Кричали большие, и кричали маленькие. Кричали, зная, что мама уже дома. Кричали те, у кого мама была еще в пути с работы. За компанию с ними кричали малыши, чьи мамы в это время как раз ушли на ночную смену. Кричали даже дети алкоголичек и сироты. Просто так. Чтобы лишний раз произнести слово «мама». Прокричать его. Выстрелить им в тяжелое вечернее небо.

Часов ни у кого не было, поэтому единственную передачу с мультфильмами — «Спокойной ночи, малыши» — ловили наугад. Как только сумерки достигали такой плотности, при которой лица отдаленных прохожих становились нечеткими, и в душе появлялся легкий страх с настороженностью, пора было собираться.

Дети к этому моменту стягивались в свой двор. Кому разрешали гулять за двором, те возвращались к своим окнам. Малыши, игравшие строго на пяточке под балконами, отрывались от песочницы, озирались и звали маму.

В этих криках «Мама!» было так мало скуки по мультикам и так много тоски. Детям, которые днями гуляли одни, просыпались одни, одни собирались в школу, одни оттуда возвращались, хотя бы в конце дня нужно было почувствовать заботу. Заботу взрослого. Самые приятные минуты дня — когда мама возвращается с работы и кричит тебя издалека: «Ленка!», «Петька!», «Пашка!» Лена, Петя и Паша, отряхнув руки от грязи, выбегали навстречу.

Но не всех матери звали вечером домой. Для детей не было места в тесных маленьких комнатках общежития, где на коридор — тридцать клеток по девять и тринадцать метров и в каждой одна, а то и две семьи. Кто жил тесно, гулял допоздна. Уже и мама пришла, и папа вернулся, и ужин разогрет, и Хрюша со Степашей появились в телевизоре, а ребенка все не зовут.

И дети кричат сами. Как будто умоляют: «Мама! Мама! Позови меня! Ну, позови!»

Из окон восьмиэтажного муравейника потихоньку высовывались женские головки, головы иловищи. Высовывались неохотно, медленно и даже тоскливо. В лю-

Анастасия Миронова (Глухова) родилась в 1985 году. Окончила Тюменский государственный университет (филологический факультет). Журналист и публицист. Пишет колонки в Газете.ру, «Новой газете» и других СМИ. Живет в Лужском районе Ленинградской области.

бое другое время дня один-единственный крик «Мама!» будил весь дом. Потому что это непременно был крик о помощи. На него сбегались к окнам мамы, бабушки и некоторые папы. Но ближе к восьми вечера даже групповое выкрикивание этого божественного слова не давало результатов: мамы отдыхали и не спешили звать на мультфильм.

* * *

Саше нет и девяти. Она гуляет одна во дворе дома на улице Судостроителей. Их много гуляет. Почти у всех мамы, бабушки и даже папы уже дома. Но дети на улице. В Сашином дворе — единственный на весь район «городок». Деревянная детская площадка с каруселями, массивными качелями в форме сонливых крокодилов, песочница и огромная башня в три, а то и четыре детских роста. Все сделано из добротных бревен и толстых цепей. И этот новгородский посад появился в самом страшном дворе самого страшного района. Благодаря городку в Сашин двор сбегаются со всей округи дети, в основном школьники, но иногда появляются даже пятилетние. Это хулиганы и беспризорники — приличные семьи пятилетних детей в чужой двор не отпускают — у приличных семей семилетние гуляют в своем дворе.

Стоит декабрь. В восемь часов уже темно и холодает. Саша догуливает вечер. Уже промокли от частого забегания в подъезд валенки. На шерстяных мохеровых штанах narosли ледышки. Она подтягивает их грязными окоченевшими руками — весь вечер они с Анькой лепили из снега торты. С ними вместе копошились еще несколько маленьких девочек. Анька только что убежала домой. Она живет через дорогу, и ей из Сашиного двора не видно, когда мама и папа возвращаются домой. Сегодня они торговали на рынке. Их не было две недели, они ездили в Турцию за кожаными куртками и сумками и теперь их продавали. Анька боялась пропустить их возвращение. Она уже бегала вечером домой, хотела узнать, много ли родители продали. Каждый раз, когда мать с отцом приезжали с рынка расстроенные, Анька радовалась: ведь если они так и не продадут свои куртки, то не уедут больше в Турцию. И в Польшу не уедут. А вот Саша от этого расстраивалась. Не уедут, значит? Хотя Анькины родители любили ее, она все равно при них стеснялась — уж очень в их квартирке было тесно. Без родителей к Аньке всегда можно было пойти, а когда дома родители, уже неудобно. Вот если бы они сейчас были в Турции, Саша сразу бы пошла к Аньке, а не ждала в темноте. Детей во дворе стало еще меньше, Саша замерзла, а домой идти страшно.

Рядом на кроватях прыгали девочки постарше. Это основа для кровати из сетки рабица. Чьи-то родители заботливо вынесли одну во двор и приставили к развалившейся скамейке. Через день появилась другая кровать. На них прыгают, как на батуте. Сейчас на кроватях две большие девочки. Саша их всегда немного побаивалась, но когда Анька убежала, Саша передвинула свои игрушки к ним поближе, и другие маленькие сделали точно так же. Одну из старших Саша знала и боялась — это Алсу, сестра Гули с четвертого этажа. Алсу уже ходила в школу, курила и дралась. У Алсу мать была красивой, статной татаркой. Уже немолодая, она часто приводила домой молодых и таких же круглолицых татар и отправляла дочек коротать вечер на улице. Алсу уже разрешили гулять по всему району, ее и в десять часов можно было встретить за железной дорогой. А сестра Гуля в сумерки плохо видела. Она носила толстые очки и вечером не выходила на улицу — Гуля бегала в коридоре. Там была своя компания, свой круг детей, которые почему-то почти не гуляли на улице и целыми дня-

ми носились по всем восьми этажам. Но и Гуля, и Алсушка все равно были лучше мальчиков.

Мальчики на Лесобазе — это всегда зло и страх. Мальчиков раньше отпускают гулять одних. С трех лет они весь день во дворе. К пяти это чистые звери, которые гуляют до поздней ночи — их никто не зовет домой. Однажды Саша даже спросила маму: «А почему у алкоголичек рождаются только мальчики?»

Мальчиков девочки боятся. Потому что мальчики могут отобрать что угодно, они громко ругаются, умеют материться и часто дерутся. Когда во дворе появляется сразу несколько мальчиков, у Саши стынет внизу живота. Она их не различает, не запоминает. Они все кажутся чужими, не поймешь, из какого пришли двора. Из мальчиков она знает только соседа Костю, к которому часто ходит в гости, и рахитика Димку. Ему уже пора в школу, а он ростом с двухлетнего. Димка живет с ней на одном этаже. Он редко гуляет на улице — его выпускают на прогулки в коридор. Там он катается на трехколесном велосипеде. Туда-сюда, туда-сюда. Пятнадцать квартир в одну сторону — пятнадцать в другую. Поздно вечером Димку зовет домой мать. Всегда в одном и том же халате и с одним и тем же большим животом, она все время что-то варит, прогорклый запах ее варева пропитал весь коридор. У нее есть другие два сына и муж-пьяница. Их почти не видно: они всегда сидят дома, на тринадцати квадратных метрах. А Димка весь день ездит на своем велосипеде. Димка задиристый, наглый, голодный. Его выпускают на самовыпас. Еще у Димки был очень сильный голос. Как и большинство мальчишек Лесобазы, он сипел прямо с пеленок.

Остальных мальчиков с их улицы Саша по именам не знала. Для нее это был коллективный, без лица, портрет врага. В школе, куда ходили дети из других дворов и с других концов Лесобазы, мальчики лучше. С ними можно было поиграть. Некоторые даже не ругались. А один, тоже Димка, подарил Саше ромашку и рассказал, что если рядом ударит молния, нужно просто ее перепрыгнуть.

К восьми во дворе обычно оставались только мальчики, Алсушка с подружками и сильная Саша из дома напротив. Остальных детей родители старались звать немного пораньше, чтобы те успели до мультфильмов помыть руки и поесть. Во всех их пяти однотипных домах, которые называли болгарскими пансионатами, потому что их в конце 70-х строили болгары, было два вида комнат — по девять и тринадцать квадратных метров. Семьям с одним ребенком, семьям без детей или матерям-одиночкам давали девять квадратов. За второго ребенка добавляли четыре. Нередки были в пансионатах перекрестные миграции, когда семья после рождения очередного младенца увеличивали площадь, а разведенке за ушедшего мужа ее урезали. Тогда счастливая семья менялась с несчастливой местами.

У Саши с мамой было сначала девять квадратов, но потом к ним из Казахстана приехала бабушка с младшей дочерью Ириной, Сашиной тетей. На них добавили квадраты, и вся семья переехала в комнату через стенку, где жили сантехник и его жена Лида. А сантехника отправили в Сашину комнату, потому что их сын после училища получил распределение на север и выписался.

Вскоре тетя Ира вышла замуж за военного и уехала с ним в Германию, но успела до отъезда получить на двоих с бабушкой еще одну комнату. Бабушка уехала к среднему сыну. А Саша с мамой остались на королевских тринадцати квадратных метрах вдвоем. В этой комнате помещалась настоящая квартира: там была прихожая примерно метр на метр, туалет с раковиной и висячим душем. В комнате стояли две кровати, кресло, мебельная стенка, телевизор, швейная машинка, кухонный стол и плита. Еще у них была большая лоджия. Но главное, что в их с мамой девичьей комнатке был отдельный кухонный островок. Некоторые семьи жили в таких комнатах вчетвером

и даже впятером, у них обеденного стола не было совсем или был откидной. Если кто-то садился есть, пока другой смотрит телевизор, оба друг другу мешали. Нельзя было и убрать посуду. Если ребенок не успевал поест до мультиков, его не кормили до конца передачи, потому что иначе мама будет мельтешить у него перед глазами.

Первыми убегали на «Спокойной ночи, малыши» дети, которые дома никому не мешали. Вслед за ними звали домой тех, кто из-за тесноты мешал своим мультиком ужинать. За ними шли те, у кого был дома отдельный стол и от кого дома хотели отдохнуть, — из звали к самому началу «Спокойной ночи, малыши» и тут же накрывали на стол. Самыми последними кричали домой детей загульных одиноких матерей, детей из совсем уж больших семей, не помещавшихся даже на тринадцати квадратах, и детей дебоширов — в общем, всех тех, кто дома страх как надоел и от кого всегда хотели отделаться. В половине девятого на улице оставались только дети трудолюбов и дети алкоголиков. У первых родители еще не вернулись с работы или ушли в ночную смену. Вторые про детей просто забывали. Песочница смиренно ждала до первой мамы. До первого «Началось!» или «Пора!». Дети из плохих семей после восьми умолкали: не прослушать бы, как зовут на мультики детей из семей хороших. И прорваться домой нелегально, до срока. Часто кто-нибудь из мальчишек, привыкших коротать вечера на улице и до девяти, и до десяти, вдруг срывался домой в восемь.

«Эй, ты куда?» — кричат ему друзья.

«Меня мама позвала!» — отвечал он на бегу, совершенно ошалевший от радости, если мама сегодня и впрямь позвала его раньше. А бывает, что не зовет никто мальчишку, и тогда он сам себе привирает. Бежит домой, перепрыгивая через ступеньку, колотится, задышавшись, в дверь:

«Ма-а-а-а-м, ты меня звала?»

Но мама не открывает дверь:

«Рань еще! Гуляй»

Мальчишка поправлял вдруг нелепо съехавшую набок шапку, вытирал грязной размокшей варежкой нос и возвращался на улицу. Он так хотел домой, что не дождался, когда его позовут, и шел хотя бы провожать друзей, которых наконец кричали домой их мамы. Провожал то одного, то другого, проходя раз за разом этот желанный путь и обязательно заходя домой: ведь могло же так стать, что пока он поднимался на четвертый, шестой или даже восьмой этаж, мама все-таки его позвала. Он снова стучал в свою дверь, и снова дверь не открывали.

Сейчас, наверное, почти половина девятого. Уже зовут нормальных детей из девятиметровых комнат. Позвали домой даже Светку Пашенко, а ведь у Светки дома новый папа, и в такие вечера мать зовет ее на мультики поздно. Саша обычно в это время была уже дома, но сегодня мама задержалась. Она или опоздала на автобус, или на квартиру. Пятнадцать лет Сашина мама стояла в очереди на квартиру. В каком доме эта квартира, на каком этаже и какая именно, они давно знали, но заехать не могли, потому что стройка тянулась без конца. Они часто ездили с мамой на другой конец города, чтобы посмотреть на дом. Сейчас его почти достроили и обещали даже начать выдавать ордера, но все почему-то не давали. Зато разрешили потихоньку делать в квартирах ремонт. Вот Сашина мама его и делала. Именно что потихоньку, заезжая на квартиру после работы. Но сегодня мама ехать туда не собиралась. Отчего же ее нет?

У Саши не было часов, но были у Аньки. Анька убежала домой в половине восьмого. Саша стала отсчитывать в уме время, чтобы, если мама не придет и Анька не вернется, пойти к ней ровно в восемь тридцать. У Аньки квартира в пятиэтажном до-

ме, на первом этаже, до нее бежать недалеко. Саша живет на восьмом, и их дом гораздо страшнее Анькиного. На каждом этаже у них очень много квартир, на некоторых этажах нет света, вечером по коридорам бегают мальчишки, ходят пьяные. Один такой лежал на площадке между третьим и четвертым этажами еще несколько часов назад. Саша видела его, когда относилa домой портфель. Хорошо, что у них две лестницы в разных концах коридора. На второй вообще никогда нет света, дети по ней не бегают, но если на первой лестнице лежит пьяный, то можно проскочить и по темноте. Вернее, прокрасться. Пролепетать. Саша придумала это слово еще совсем маленькая. Если «улепетывать» — это убежать быстро, то «пролепетать» — пройти медленно. Например, по темной лестнице, вжимаясь от страха в подпорки поручня. Пролепетать по лестнице — уходить от беды, от опасности, едва переставлять ноги, вслушиваться в каждый звук. Когда на пути у тебя лежит пьяный или снова идет вдоль стены окровавленный муж дворничихи, то приходится бежать в другой конец коридора и шагнуть на темную лестницу. Муж дворничихи на восьмом, а нужно на первый. Четырнадцать пролетов, сто двадцать шесть ступенек, которые приходится пройти на ощупь и ощупывать не только лестницу, но и звуки, запахи — их много и из-за них может выскочить кто угодно.

Саша не хотела подниматься домой одна. Она решила, что пойдет к Аньке. Анины родители знали, что Сашина мать работает допоздна, и привыкли, что ей одной страшно. Они любили Сашу, к ним всегда можно было пойти, если дома никого нет. Да, она так и делает. Но не сейчас. Сейчас рано и неудобно. У Аньки в квартире совсем мало места.

А другие дети кричали мам. Первым не выдержал совсем маленький мальчик с пластмассовым совком и в цигейковой шубке. Это третий мальчик, которого Саша знала. Шура Ксенофонтов, он живет на втором этаже, а его мама работает в садике воспитателем и даже ходила в гости к Аниной маме, тоже воспитательнице. Шура деловито отряхнул свой совочек и подошел к окну.

«Ма-а-а-а-м!»

Мама молчала.

«Мааааааа!»

Его окно не отвечало. Мальчик стал крутиться на маленьком пятачке, как бы раздумывая, что дальше делать. Потом он почему-то подошел вразвалочку к ним, девочкам, сказал вдруг: «А у нас кошка родила!» — и снова побрел к окну. Саша боялась его, как и других мальчишек, хотя этот точно был младше и не походил на хулигана. Но Саша все равно ничего ему не ответила и даже немного испугалась.

Шура мялся возле девочек и не знал, кричать ли в третий раз. Вдруг его мама сама высунулась из окна. Он сразу увидел в темноте ее силуэт, заслонивший собой теплый, оранжевый с подпалинами, свет из их комнаты. Саша подбежал к окну, вернее, к своей лоджии.

«Жди папу, папа сейчас придет с Тосиком», — спокойно сказала мама.

И правда — сразу же из подъезда появился Шурин папа. Тосика Саша увидела впервые — это собака такса. Она тут же отметила, что Ксенофонтовы живут хорошо, если у них и кошка, и собака. В основном в их пансионате старались не держать даже кошек — самим было тесно. Кошками лесобазовские дети вволю любовались на улице.

А Сашина мама? Теперь уже понятно, что мама задержалась на работе. Саша откопала из сугроба кусок фанерки, на которой каталась с горки. Она набрала на нее побольше снега и запрыгнула с ногами на лавочку так, чтобы видеть дорогу от оста-

новки. Она уминала руками снег на фанерке, делала из него большой гладкий каравай и каждую секунду смотрела на дорогу. Любая тень, любая фигура на мгновение перехватывали у нее дух — мама? Нет, это была не мама. Автобус приходил раз в полчаса. И каждые полчаса тянулись к их домам от остановки несколько уставших полнурых людей, которые забирали с улицы своих детей. Если мамы в этой группе не было, следующие полчаса можно на дорогу не смотреть. Но Саша все равно смотрела: а вдруг мама зашла по пути в магазин и отстала? Но Саша уже сбегала к магазинам, когда мамы не оказалось в семичасовой порции родителей, промышленный магазин был закрыт, а продуктовый закрывался. Она, испуганная, вернулась домой: если мама не придет и на следующем автобусе, надежде больше не за что будет зацепиться. Разве что мама уснула по дороге? Такое один раз уже было. У них в те дни отключили воду. Они носили воду с колонки. Мама — в большой белой бочке с ручкой на закручивавшейся крышке. Бабушка, которая жила тогда с ними, носила ведром. Саша — ведром. Анька тоже помогала, ей было интересно, потому что в их доме воду давно не отключали. Они тогда носили воду до глубокой ночи, а потом мама стирала Сашины школьную форму. И на следующий день уснула в автобусе.

А вдруг и в этот раз? Ночью у них на этаже шумели и один раз даже пнули в их дверь. Наверное, пинали долго, но когда Саша с мамой проснулись, то услышали только один пинок и за ним знакомый ор: «Где моя законная жена?» Было страшно, но не очень: «законную жену» они с мамой знали. Так они звали постоянно пьяного мужа с нижнего этажа. Когда он напивался, жена пряталась у соседей и муж ходил по квартирам. «Где моя законная жена?» Они с мамой давно его не боялись, знали, что он постучит-постучит в двери, да и мирно уснет. Когда засыпал, жена приходила за ним с маленьким сыном и утаскивала к себе домой.

Может, мама не выспалась из-за него? Саша повыше вытянулась над скамейкой. Автобус давно пришел, и люди уже разбежались по домам, но вдруг мама от них отстала? Саша подпрыгивала, всматриваясь в кусты, которые росли с двух сторон их тропинки. И тут на дорожке появилось темное, едва различимое пятно. Мама? Мама! У Саши сжало от радости грудь, и в центре ее что-то не застучало, а как будто закатало и захлопало. В книжках пишут, что от волнения у людей стучит сердце, а у Саши там, где сердце, пульсировала кровь. Какая-то большая тугая артерия, которая от радости или волнения так билась, что перекрывала Саше воздух.

Неужели мама? Пятно очень быстро приближалось и вот уже замахало руками.

Мама! Мама!

А почему такая маленькая? Уже не пятно, а пятнышко. Чем ближе оно подбегало, тем понятнее было, что это никакая не мама. Анька! Саша не в секунду, а в какую-то даже долю секунды заревела. Это Анька — не мама...

Анька совсем уже запыхалась. Она что-то говорила Саше наверх, но ничего не было слышно: рот Аньке закрывал уже растрепанный и намокнувший от дыхания шарф. Значит, родителей еще нет. Так заматывала Аньке рот только бабушка — родители знают, что еще тепло, а бабушке всегда мороз. Это хорошо. Хорошо, что родителей нет — можно прямо сейчас идти к ним домой.

Анька дернула Сашу за ногу:

«Слазь!»

А что слезать? Что Анька ей скажет? Понятно ведь, что никто не приехал.

«Я к пятиэтажке ходила. Пойдем вместе? Скоро автобус. И мама твоя, наверное, на нем придет. Моих еще дома нет».

Значит, Анька побежала смотреть родителей и не добежала до остановки. Анька всегда была смелее Саши. Это, наверное, потому, что Аньке приходилось мень-

ше бояться: у нее есть еще бабушка да есть настоящий и всегда трезвый папа, а мама только недавно стала работать — до этого она сидела дома с Анькиной сестрой. И дом у них был чистый. И этаж первый. Если бы Саша жила так же, она бы ничего не боялась, а Анька все равно кое-чего боится. Например, ходить одна до остановки. Саша все еще стояла на своей скамейке и думала.

«А который час?»

Анька задрала рукав теплой куртки, отодвинула рукавицу и подчеркнуто внимательно всмотрелась в часы. Потом еще раз.

«Не вижу».

Саша наклонилась к ней сверху и тоже стала смотреть на циферблат, но ничего не могла разобрать.

«Ты притворяешься!» — догадалась она и слегка толкнула Аньку в плечо.

«Слазь и посмотри сама, а то не скажу!»

Анька тоже хотела побыстрее увидеть маму. И папу. Получается, что она хотела в два раза сильнее. Но Анька была лишь чуть-чуть, на самую капельку, смелее Саши и одна никогда бы не пошла на остановку. Видно было, что Анька начинает злиться. Она обхватила Сашу за ноги и стала раскачивать.

«Слазь! Слазь!» — Анька шатала Сашу из стороны в сторону.

«Слезай, а не «слазь», — без злобы поправила Саша. Ей тоже хотелось побыстрее встретить маму. Да, она боялась пойти на остановку, но очень хотела, чтобы Анька смогла ее уговорить. И Анька уговорила! Саша еще чуть-чуть подумала и прыгнула со скамейки. Потом она подтянула сползший под валенком носок, заправила обледевшую штанину шерстяных гетров внутрь валенка и рванула вперед. Анька за ней. Они пробежали по идущей от Сашиного дома дорожке, обсаженной низкими кустиками, выскочили на тротуар вдоль большой дороги и посмотрели по сторонам. Фонари здесь, у магазина, снова были выключены. Стояла темнота, и любую машину было бы видно издалека. Они взялись за руки и перебежали дорогу. Потом выскочили на другой тротуар, который уже вел к остановке. Было темно. До включенного фонаря оставалось чуть-чуть. Нужно было перейти еще одну небольшую дорожку и подняться на крутую горку. Сегодня на всю Лесобазу горели только два фонаря: возле Сашиного дома и возле пятиэтажки. Кругом была темнота. Им стало страшно, Саша уже пожалела, что дала себя уговорить. Они хотели взяться за руки, но обе были в толстых варежках. Тогда Саша вцепилась Аньке в руку пониже рукава, но Анька быстро перехватила ее и взяла Сашу под локоть.

«Давай! До фонаря!» — крикнула Анька. Она все же была не так труслива.

Обе они пробежали по густой темноте шагов пятьдесят, а, может, и больше — Саша сбилась со счета. Было очень темно. Светло зимой от больших сугробов, а на дороге снег грязный, где-то под ним виднеются голая земля и асфальт. Этот снег не светит, а только поглощает последний свет. В такой темноте можно было не заметить даже маму.

«А у Шуры Ксенофонтова кошка родила», — сказала вдруг Саша, пока они бежали последние шаги.

Анька даже не услышала. Она хотела зацепить варежкой край шапки и оттянуть его, чтобы лучше слышать, но в варежке не получалось. Да и Саша все равно говорила ей в другое ухо. Она хотела повторить про кошку, а потом подумала: зачем? Ведь Анька даже не знает про Ксенофонтовых.

Но Анька добежала первая до фонаря, сняла варежку теперь уже с левой руки, отодвинула от уха резинку, на которую бабушка приматывала к Анькиной голове шапку, высунула из-под шапки ухо и переспросила:

«Что?»

Саша повторила тихонько, стыдясь нелепости и неуместности своих слов:

«У Шуры Ксенофонтова кошка родила».

«А сколько котят?» — сразу поинтересовалась Анька.

«Я не знаю. Наверное, пять. Наша Василиса ведь тоже родила летом пять. И когда мы кормили возле садика кошку, у нее тоже было пять котят».

Анька радостно согласилась:

«Да, хорошо, если пять. А покажешь? Я хочу котенка. Полосатого. Я назову его Томом. Как Том и Джерри. Мне папа на день рождения обещал».

Саша хотела спросить, кто это Томиджери. И еще хотела сказать, что она еще не видела котят и никогда, наверное, их не увидит, потому что ни разу не была у Шуры. И что Анькин день рождения в августе и до августа котят раздадут. Все это закрутилось у нее в голове и слиплось в какой-то большой ком. Она еще не поняла, почему больше не говорит и не спрашивает про Томиджери. Почему она замолчала и Анька тоже молчит. Она даже не сразу поняла, что вокруг шум и будто сверху над ее головой бьют железной колотушкой по железному ведру. Анька уронила снятую только что варежку, хотела поднять ее, но поскользнулась и почти упала. Она схватилась двумя руками за столб, но руки в теплой куртке были у нее слишком короткими, обхватить столб не получилось, и Анька снова почти упала. Она во второй раз попыталась схватить столб и опять упала, уже до конца. Саша смотрела на Аньку, видела, что та скользит на пятачке вокруг столба, что надо схватить ее, дать ей руку, но ничего не могла сделать. В ведра над ними снова застучали. Саша задергала головой, будто бы в поисках выхода. Но где выход, она не знала — этот сбивающий с ног, раздавливающий звук шел отовсюду. Она смотрела вниз, вверх, по сторонам и ничего не могла разобрать. Фонарь освещал лишь небольшой островок под ним. На этом островке стояли они, Саша с Анькой, а вокруг ничего не было видно и все гремело. Саша шарила по этой темноте глазами и вдруг зацепилась за светлое пятно где-то сверху. Она прищурилась и увидела, что сразу в нескольких окнах на втором или третьем этаже горит свет. Из окна высывались какие-то люди, они пьяно гоготали и жгли бенгальские огни. Они кричали что-то то ли сами себе, то ли им, детям, но Саша ничего не могла понять: крики с балкона — и мужские рыки, и женские веселые взвизгивания — сливались в какое-то одно длинное неразборчивое слово. Саша только поняла, что кричали весело. И видела, что несколько человек были как будто в милицейской форме. Они кричали, а над головой Саши разорвались новые грозовые залпы. Наконец она поняла: из окон стреляли.

Она сразу метнулась в сторону. Не упала, не поскользнулась, а быстро побежала прочь. Раздалось еще несколько выстрелов. В нее! Ведь стреляют в нее! Как раз в выходные она смотрела дома кино с Еленой Яковлевой, где расстреляли черную собаку. Сейчас она, Саша, также бежит в своей черной шубке по освещенному фонарем пятну, и в нее стреляют. Да и куда бежит? Не в ту сторону! Она бежит к остановке. Мама не придет. Мама не придет! Если мама проспала, никто ее на остановке не встретит. И люди в фуражках застрелят ее, эту маленькую подвижную мишень. Снова выстрел. Совсем рядом. Погас свет. Столб! Попали в столб! И Саша, уже ничего не замечая и не понимая, заметалась по кругу. Снова выстрел. И еще, и еще. Она только услышала, как из окна кричали: «Давай! Давай!» И громко смеялись женщины.

Саша вскрикнула, побежала вперед. Снег под ногами был мокрый и плотный, он забивался в валенки, с каждым шагом бежать становилось все труднее. Она уже не бежала, а протаранивала ногами дорогу. И не успела даже закричать. Не посмотрела на Аньку. Она бежала в сторону дома. Вот уже выбралась из сугробов на дорогу. Ее бы перебежать, а там еще чуть-чуть — и поворот во двор. Но дорога обледенела, спуска

к ней нет — можно только скатиться вниз. Она была здесь днем и помнила, что единственный расчищенный участок дороги есть у библиотеки. Далеко. Саша даже не посмотрела по сторонам, прыгнула вниз и покатилась на проезжую часть, но ровно на середине дороги остановилась. Вся в снегу, в обледенелых валенках, в сбившейся меховой шапке и с руками, стянутыми за лопатками резинкой от варежек, она ворочалась по льду на спине, как жук. Пыталась перевернуться на левый бок, на правый. Ничего не выходило. Прохожих не было, только у железной дороги, где свет всегда горел, виднелись убежавшие фигуры. Кричать им вслед Саша боялась. Дикий страх останавливал от крика и подпирал горло огромным грозным кулаком откуда-то из живота. Крикнешь — застрелят. Да и кому кричать? Незнакомым людям, которые зимним вечером бредут понуро домой, в свои комнаты-клетки? Но ведь они же, знакомые взрослые, только что стреляли по ним с Анькой.

Анька... Анька. Саша, так и не сумев подняться на льду, стала отталкиваться от дороги ногами и доехала до тротуара на спине. Анька?.. Саша кое-как отползла к небольшому заборчику, огораживавшему паисадник. Схватила за него и встала. Анька!

Крикнуть сил не было. Посмотреть туда — ТУДА — не хватало смелости. Казалось, что убийцы затаились и ждут, когда она взглянет на них. Чтобы увидеть ее глаза и выстрелить. Саша зажмурилась и побежала домой. Уже на бегу она поняла, что больше не стреляют. Но остановиться не могла — слишком страшно. Тело кричало ей: пока стоишь — ты мишень, а когда бежишь — дичь, поэтому еще можешь спастись.

На узком скользком тротуаре вдруг появились частые прохожие — это возвращались домой новые порции мам. Автобус приехал!

«Мама!»

«Ма-а-а-а-а-ма!»

На Сашу никто не обращал внимания. Одну женщину она отерла слегка рукавом шубы. Тетка остановилась, схватила Сашу за шиворот. Это была жена бывшего дворника. Та самая, которая жила на втором этаже и тоже всегда была пьяная. Она поднесла Сашу к своему красному рыхлому лицу и серьезно спросила: «Ты совсем о...ла, м...?» И развернула спиной туда, к пятиэтажке. Саша дрыгала ногами и пыталась нащупать землю. Надо было пнуть красномордую тетку в колено и бежать, но воли не хватило. Она продолжала, оледенев от страха, висеть на теткой руке, пока та не бросила ее на землю. Саша тут же ползком ринулась прочь, в другую сторону, но запуталась в сползшем валенке и совсем завалилась на бок. Тетка не обернулась.

Саша в первый раз за эти минуты посмотрела туда. Туда! Там все было тихо. Да и минуты ли прошли? Она выскочила из-под фонаря, пробежала вдоль трех подъездов, скатилась на проезжую часть, переметнулась к тротуару, врезалась в тетку. Все? Могло пройти секунд двенадцать. Ну пятнадцать. А Саше казалось, что уже пришла ночь.

Она осмотрелась. Со стороны железной дороги подходили с остановки новые люди. Один человек вышел из библиотеки. Все спешили мимо — к ней, Саше, никто не спешил.

«Анька!» Саша встала, зашла за другой, неработающий, фонарный столб и оттуда осмотрелась. Аньки нигде не было видно. Глаза уже привыкли к темноте и стали различать очертания фигур, деревьев. Аньки не было. Они же вместе побежали, Анька не могла бежать за железную дорогу — она тоже обязательно бы помчалась домой. Обогнала? Проскочила в библиотеку? Может, Анька убита? Надо бы пойти и посмотреть, но не оторваться от столба. Бросить его и бежать домой сил тоже нет.

Саша завидела вдалеке прохожего. Мужчина. Трезвый? Она подождала, пока он подойдет поближе. В полушубке, унтах, облезлой ушанке, лица не видно. Точно такие же знакомые мужчины, но без шубы, стреляли в нее только что. Саша не подошла к прохожему и еще крепче схватила за столб.

Следом появилась женщина. Она быстро перебирала ногами в сапогах на массивных каблуках, в руках у нее была самая настоящая авоська, а в авоське — два огромных кочана капусты. Почему-то очень зеленые. Саша выдвинулась из-за фонаря, встала посреди тротуара и выжидала момент крикнуть. Но не успела, потому что женщина закричала первой. Не останавливаясь, прямо в лицо Саше она вдруг заголосила: «Ты чего стоишь? Бегом домой! Быстрее! Тут стреляют». Она слегка замахнулась авоськой с кочанами, как бы желая придать Саше ускорение. Не остановилась, прошла мимо.

Никого другого на улице не было. «Тетенька большая, в нее первую попадут», — подумала Саша и побежала за кочанами. Она быстро поравнялась с женщиной и хотела было рассказать, что это в нее стреляли. В нее и в Аньку. Что Анька не добежала до другого столба. Но страх еще не отпустил. Саше казалось — если она оттянет от лица свой замерзший и покрывшийся мелкими сосульками шарф, если откроет рот, то ее тут же обнаружат и застрелят. Она хотела быть ниже, тише, незаметнее. И ничего не сказала про Аньку.

Женщина с капустой дошла до Сашиного двора и свернула в дом напротив. В последний дом. Во дворе, несмотря на темноту, еще гуляли дети. Дрались на палках незнакомые парни. Девочки качались на бревне, подвешенном на цепях. Алсу уже не было. На скамейке совсем маленький мальчишка спичкой чиркал по размокшей ленте пистонов. Взрослых тоже не было. Саша стала ходить от одной группы детей к другой. Нигде не нашла знакомых — играли мальчики и девочки из других домов.

Саша не знала, дома ли мама. Вдруг они с ней разминулись? Вдруг мама прошла в той партии мам, которые не остановились? Она сняла рукавицу с левой руки, задрала рукав шубы, но маленьких часиков, таких, как у Аньки, с Микки Маусом, на запястье не было. Она ведь потеряла их вчера! Да! Им с Анькой часы подарил Анькин папа, и Саша свои вчера потеряла.

Саша снова пошла к детям. У компании мальчиков постарше она не своим голосом спросила:

«Не скажете, который час?»

К ней обернулся рыжеватый парень в такой же ушанке, что была на мужчине в унтах. Парень на морозе гулял в легком пальто, верхние его пуговицы были расстегнуты, шарф растрепан.

«Чего?»

Парень просто ее не понял. Саша, будто в записи, повторила:

«Не скажете, который час?»

Парень точно так же отреагировал:

«Чего?»

«Время сколько?» — Саша поняла, что он просто не распознает сложный язык. Про сложноподчиненные предложения им в школе еще не рассказывали, но она сама про них читала и знала, что в речи бывают простые и сложные конструкции, короткие и длинные. Что Светкина бабушка все длинные предложения всегда переспрашивает. И сестренка Аньки, маленькая Женя, тоже. Взрослые и умные говорят длинными предложениями, а маленькие или старенькие — короткими. Парень не был маленьким — он был просто глупым.

Впрочем, нет, скорее, не глупым, а запущенным.

«Рано еще», — ответил он на понятное «сколько время». Имея в виду, что рано проситься на мультики.

Саша уточнила:

«Никого еще не звали?»

«Не-а. Всех позвали, а мы ждем», — хмыкнул парнишка. В его исполнении получалось «э-а». Саша так и не поняла, что это значит — что уже поздно или еще рано?

Саша походила туда-сюда. Надо бы покричать маму — вдруг вернулась? Она подошла к дому и, задрав голову вверх до отказа, тихо и жалобно пропищала:

«Мама!»

Ее никто не услышал. Вообще никто. Она оглянулась — все было по-прежнему, дети играли. Саша повторила чуть сильнее:

«Ма-а-ма!»

Посмотрела на дом. Вспомнила, что кричать из-под самых окон не надо, так хуже слышно. Они жили на восьмом этаже. Саша отошла от дома на расстояние, в котором уместились бы, лежа на земле, этажей пять или шесть. Подняла голову, но не высоко-высоко, а так, чтобы кончик носа смотрел точно в козырек их лоджии.

«М-а-а-ма-а!» — это было уже громко и немного обреченно.

Еще раз, громче! Она оттянула вниз мешавший шарф, поправила шапку, набрала воздуха в грудь... и услышала, что ее «Мама!» кричит кто-то справа. Саша повернулась — маленький мальчик в клетчатом пальто и песочного цвета цигейковой шапке, сложив руками в варежках рупор, кричал в него. Звук получался глухой и тупой.

Саша начала нервничать. Ведь никто сейчас не выглядывает. Сбил ей все своими мультиками. Она по делу! По делу!

«Мама!» — настойчиво крикнула Саша.

Мальчишка догадался снять варежки и тут же позвал свою маму. Затем послышался третий голос. По голосу она узнала сиплую Сашу. Другая Саша жила в доме напротив, но окна их выходили в этот же двор. Стоя почти спиной к Саше, эта Саша кричала в свою сторону:

«Мааааааа!»

Не дождавшись ответа, девочка зычно спросила:

«Пора?»

Она жила на первом этаже. В ответ на ее крик из противоположного дома раздался стук посуды, как будто кто-то стучал об эмалированный таз ложкой.

Саша повернулась к Саше и сказала:

«Рано еще».

Ее мать была немая. Отец как-то с похмелья разозлился на тетю Любу и отрезал ей язык. Саша говорила, что отрезанное он тут же выкинул в мусоропровод. Саша сразу побежала на улицу, туда, где вываливался из трубы мусор. Она долго искала мамин язык, но не нашла. Отец у них тогда так напился, что целый день не выпускал мать из комнаты. Когда приехала «скорая», которую Саша вызвала все из той же библиотеки, он не открыл дверь. Врачи ушли. Мать в больницу забрал потом сосед, он работал на небольшом грузовике и в те дни возил дыни. Мать умирала.

Ее все же спасли, но с тех пор она без языка не говорит. С Сашей, когда та на улице, мать общается сигналами — колотит что-то по тазу, а дочка знает: «Пора домой!», «Ужин!», «Отец пьяный!». Для мультиков у нее тоже был особый сигнал.

«Рано», — повторила сиплая Саша.

Саша снова повернулась к своему дому. Она оттянула назад шапку, потому что от бега и крика вспотела, волосы выбились и свисали на лицо. Шапку даже хотелось снять — так было жарко. Но возиться с резинкой некогда. Чтобы шапка не слетала и не отходила от ушей, бабушка пришила к ней резинку, которая проходила под шеей и накидывалась на голову. Снимать и надевать эту резинку было мучительно. Саша осталась в шапке.

«Ну, ма-а-а-а-м!» — крикнула она.

Свет в ее окне, за остекленной лоджией, горел. Но это ни о чем не говорило — чтобы воры думали, будто дома кто-то есть, они всегда держали лампочку зажженной.

«Ну, мама!» — повторила Саша. На этот раз получилось тише, потому что крик смазлся выкатившимися слезами.

Саша переминала ноги в снегу. Захотелось вдруг писать. От волнения она всегда часто писала, из-за чего боялась выступать или отвечать на уроке. Пописать можно было на первом этаже, под лестницей. Или в башне. Заходить в дом она не решилась. Все годы, прожитые на Лесобазе, она всегда боялась своего дома. Пришлось идти в башню. Она обошла башню несколько раз, постепенно уменьшая протапываемую окружность. Убедилась, что мальчишек поблизости нет, и юркнула внутрь. Там долго возилась со штанами — снять с мокрого от пота тела шерстяные в сосульках гетры, подштанники, колготки и трусы было тяжело, тем более что на руках болтались пришитые к резинкам обледенелые варежки. Она широко расставила ноги, чтобы не обмочить валенки, присела и быстро пописала. Разбираться со штанами было некогда, поэтому она рывком натянула верхние гетры, а нижние слои одежды скатались под ними в веревку и застряли. Жутко неудобно, но возиться со штанами в башне в полной темноте еще хуже. Саша выбежала, вернулась на свое «кричальное» место и с разгона, без раздумий, вдруг заорала:

«Аньку убили!»

Двор замолчал. Саша обернулась и увидела, как дети, даже самые большие и грубые парни, вдруг сжались в маленькие комочки, побросали свои лопатки, палочки, пистолетики и кинулись каждый к своим окнам. Оттуда, из лоджий и балконов, ментально высунулись головы.

«Домой!» — закричала половина окон сразу.

«Я боюсь!» — ревом заголосили дети. Кому-то матери пообещали спуститься, кого-то продолжали криком загонять домой.

Из Сашиного окна никто не выглядывал. Мамы дома не было!

Зато высунулась соседка тетя Оля. Она диким голосом заорала:

«Кукую Таньку убили?»

Саша вдруг остолбенела. Надо бы крикнуть, что не Таньку, а Аньку, Аню Вторушину, но голос пропал. Тут к ней подошел тот самый рыжий дураковатый парень в ушанке. Он оттянул от шеи и без того почти спавший шарф, снял варежки и прокричал тете Оле:

«Да не Таньку! Аньку!»

«Не Ракомину?» — тетя Оля высунулась из окна почти по пояс. Даже снизу было видно, как от нее шел пар.

«Аньку!» — крикнул пацан.

И спросил Сашу:

«А какую Аньку?»

«Вторушину», — проплакала, а не проговорила Саша.

Пацан изо всех сил крикнул тете Оле:

«Вторушину Аньку убили. Анну!»

Тетя Оля пропала из окна. Саша надеялась, что она выйдет. Что заберет Сашу, ведь она не может не знать, что Сашиной мамы еще нет, они же с мамой вместе работали. Но тетя Оля не вышла.

Пока Саша ее ждала, детей во дворе потихоньку разбирали. Из их дома тоже приходили женщины, но все они жили на несколько этажей ниже. Можно было попросить их довести себя до двери, но Саша побоялась. Если бы сами предложили, она бы пошла. Или не пошла бы — одной дома еще страшнее, а во дворе всегда кто-нибудь гуляет. Даже когда на втором этаже нашли человеческие органы, на улице все равно оставались неразобранные дети.

Раз в несколько месяцев на Лесобазе кого-то убивали. Едва заслышав слово «убили», дети теряли рассудок. Войти в свои грязные черные подъезды восьмизэтажных домов боялись все. Поэтому все звали мам. В тот раз, когда в Сашином доме, в коридоре, появились прикрытые газеткой органы, маленьким сказали, что это кишки коровы. Но Саша видела, как приезжали врачи, милиция и комендант кричала, что ей звонит опять прокуратура.

После этого случая несколько вечеров никто из детей один не гулял. Многие даже не ходили в школу, потому что учились со второй смены. В школе все понимали и не ставили прогулы. Как-то на Лесобазе появился маньяк. В их школе говорили, будто он ловил детей на длинном переходе от Судостроителей до Домостроителей, где стояла школа. Он пускал им по венам мочу и разбавленное водой дерьмо. Как только пошли такие слухи, учителя отменили последние уроки второй смены — чтобы дети возвращались засветло.

Таких случаев было много, и Саша зачем-то стала их все вспоминать. Давным-давно, еще когда они с Анькой учились во втором классе, одну пьяницу загрызли собаки. Вскоре псина из этой стаи убила двухлетнего Сеню Ксенофонтова, брата Шуры. На Сашиной памяти было еще несколько покойников и просто трагедий. Например, в соседнем доме отчим заколол свою падчерицу прямо на ступеньках главной лестницы. Саша видела издали, как грузили в машину труп. Вечером в бане об этом говорили все, а по телевизору сказали, что мужчина нанес девушке двадцать семь ран. Еще был случай, когда с их этажа милиция выносила труп. Соседа положили на большое одеяло, как на носилки. Он был весь серый, но при этом вычищенный, выглаженный, в костюме. А еще, совсем недавно, изнасиловали их одноклассницу Дашу. Было темно, они все вместе шли через замерзшее болото, как вдруг налетели мальчишки из их же класса и стали забрасывать девчонок снежками, валить на землю, засовывать снег под ворота шуб. В сутолоке, визге и беготне Даша потерялась. Отстала. В школу она вернулась только через несколько недель. Кто-то рассказал, что ее нагнали восьмиклассники и долго насиловали, пока сами не замерзли и не побежали домой. С тех пор Даша всегда ходила в комбинезонах, даже летом. А детей, как после любого другого громкого события, пораньше отпускали домой и просили держаться вместе. Так они держались и во дворах, пока всех не разбирали родители. Некоторые гуляли на улице до десяти и даже до одиннадцати — лишь бы не заходить в дом. Сашу мама в такие дни встречала с палкой от раскладушки — выламывала из нее алюминиевую перекладину и шла к школе. Если мама задерживалась, Саша гуляла во дворе. Тех, у кого родители работали в городе и приезжали поздно, было много. Еще больше детей болтались на улице, потому что пьяные или поссорившиеся родители про них забывали. Компания была всегда.

Но на этот раз дети быстро уходили с мамами. Очень быстро на площадке остались только Саша и рыжий в ушанке. Забрали даже сиплую Сашу — ей мать выбросила из окна лоджии веревочную лестницу, как от шведской стенки. Они держали эту лестницу наготове, потому что пьяный отец часто запирал дверь. За одним мальчишкой вышла злая, в подпитии, мать, она выругала сына и повела домой. Даже не взяла его за руку, а только материлась. Но мальчик был счастлив — все же не одному возвращаться.

Рыжий парень подошел к Саше снова.

«Пошли».

«Куда?» — Саша все еще плакала.

«У Вторушиной родители знают?»

Саша закрыла лицо руками. На них почему-то уже были надеты варежки. Все в маленьких налипших круглых льдинках, они неприятно оцарапали лицо и оставили ощущение грязи.

«Я не знаю. Я сразу убежала».

Тут Саша посмотрела на парня и, как лопнувший внезапно воздушный шарик, вдруг выпалила:

«В нас стреляли из окна!»

Стало легче! Она наконец произнесла это вслух. Хоть кто-то узнал об ее беде. Пусть даже глупый парень, который не знает время.

Рыжий от удивления снял шапку.

«Стреляли? Где?»

«У большой пятиэтажки».

«А где Анька?»

«Там осталась!»

«А где она живет? Далеко?»

«Вон там!» — Саша показала ткнула пальцев в дом наискосок.

Парень подтолкнул ее под локоть в сторону Анькиной маленькой пятиэтажки. Пока они шли эти сто с небольшим метров, Саша втягивала плечи и слегка поджимала коленки, будто старалась сделаться меньше. Она боялась, что снова начнут стрелять. А еще она боялась этого мальчишку в старом и — она наконец к нему присмотрелась — уже маловатом пальто. Оказаться рядом с мальчиком всегда было событие. Большое плохое событие, ведь хорошего они, девочки Лесобазы, от парней никогда не видели. Компания рыжего была ей в тягость, но без него остаться на темной улице одной стало бы совсем невыносимо. Поэтому она покорно шла за ним. В животе у нее будто застрял ком снега. От страха, тревоги, одиночества, от черного неба и громкого снежного хруста все внутри холодело и сжималось. Мамы нет, приедет поздно. Тоже пойдет одна по той кошмарной заледеневшей дороге, мимо той пятиэтажки. Саша представила, как над головой мамы раздастся выстрел и она точно так же бежит, застревая в снегу и не смея звать на помощь. Еще чуть-чуть, и Саша разрыдается...

Но тут ее одернул парень.

«Какой подъезд?»

Она заставила себя сдерживать плач, будто развернула поток слез, от чего они хлынули назад и глаза сильно набухли.

«Второй отсюда».

Они зашли в подъезд и сразу уперлись в дверь Анькиной квартиры. Саша знала, что в это время у Аньки дома были маленькая сестра Женя и глухая прабабушка Тоня. И, наверное, уже вернулись родители. Саша встала перед дверью. Стучать — страшно. Как сказать? Вашу Аню убили, а я убежала? Они попросят показать место. Придется возвращаться, смотреть в те окна. А вдруг люди в фуражках еще не ушли? Вдруг они сидят у окна и готовы снова выстрелить? Сердце у Саши так заколотилось, что она слышала его в каждой части тела — в руке, в ноге, в ушах. В груди стало жарко. Она не могла постучать. Уставилась на дверь и молчала.

Но тут к двери подошел парень. Он снял шапку, выдернул из-под воротника шарф и скомкал все руками. Потом постучал. Как только раздался стук, все как бы оборвалось. Голова у Саши закружилась, ноги вдруг отяжелели и словно распухли, она стала заваливаться на стену. За дверью было тихо. Парень постучал еще раз. Потом еще. Потом развернулся спиной и несколько раз сильно ударил в дверь ногой.

«Я Саня», — не выдержал рыжий и снова забарабанил валенком в калоше.

«Саня. Из сорокового дома», — прокричал он громче. За дверью послышался грохот — это Женька ставит табурет, чтобы дотянуться до глазка. Саша подошла к двери со своей стороны и стала подпрыгивать, чтобы Женька ее узнала, хотя в коридоре было темно.

«Это я», — пискнула она, прыгнув повыше. В глазок смотрели. Женькин глаз закрыл его изнутри.

«Да мы это. Аньку убили».

В квартире по-прежнему было тихо. Саша подпрыгивала. Глазок еще несколько секунд оставался темным, а потом там появился свет: Женька слезла с табурета. Было слышно, как она двигает его вплотную к двери. Они с Саней стояли и слушали. В подъезде было совершенно темно, светилась только крохотная точка в двери Анькиной квартиры.

Мальчик еще раз постучал в дверь.

«Э-э-э, вы че? Аньку убили. У пятиэтажки».

За дверью послышалось шарканье. Это бабушка Тоня вышла из своего закутка. Саша прильнула к замочной скважине. На днях Анька застряла с бабушкой дома, пока родители ездили за товаром. Два дня Анька по веревке спускалась с балкона в школу и магазин, а потом наконец сосед сверху выпилил им аккуратно нижний замок. Дырку вскоре закрыли фанеркой. Саша знала — если приложить ухо к фанерке, в квартире все будет слышно.

И она слышала, как баба Тоня прошаркала в коридор. Саша хорошо представляла, как, глухая, растрепанная, в неснимаемой ночной рубашке и халате, она сейчас уставилась на дверь и Женьку. Посмотрела на Женькины дикие глаза, на прислоненный к двери табурет. Саша была уверена, что прекрасно слышала сквозь фанерку, как баба Тоня думала и о чем. Вот новое движение. Какой-то рывок за дверью и Женькин голос: «А...» Но крик тут же подавился. Это баба Тоня закрыла Женьке рот рукой. Потом послышались звуки шлепающих ног: Женька убежала в комнату. Еще спустя мгновение баба Тоня начала двигать шкаф.

Анькины родители велели бабе Тоне, как только дети слышат за дверью подозрительные звуки, подпирать ее изнутри шкафом. А если воры начинают вскрывать замки, то убегать с детьми через балкон по той же веревочной лестнице. Квартиры челноков часто грабили, а Анькины родители стали челноками. Однажды, пока они были в челночном рейсе, в квартиру пришли воры. Баба Тоня придвинула шкаф, спустила детей по веревке с балкона, с ними вместе отправила шубу, видеомэгнитофон, музыкальный проигрыватель и деньги. Сама вылезти не смогла. Она осталась дома и смотрела, как шкаф изнутри потихоньку расшатывается, как он падает, как в дом заходят два вора. Бабе Тоне было под девяносто, она обычно жила в закутке за мягкой зеленой занавеской, напротив Женькиной кровати. Там она и осталась. Села на своей постели и ждала. Воры вошли, огляделись, сразу заметили старушечий закуток и очень удивились. Баба Тоня была глухая, но не немая. Она сразу сказала:

«Я одна. Хочу жить».

Тогда вор помладше, совсем еще парнишка, спустил бабу Тоню с кровати, заботливо надел ей тапочки, отвел в ванную и там запер. В ванной баба Тоня просидела несколько часов, пока Анька наконец не оправилась от испуга и не привела с собой соседей.

Сейчас баба Тоня снова двигала шкаф. Неужели Женька Сашу не узнала?

«Побежали к окну!» — вдруг закричала Саша и кинулась из подъезда. В темноте она наступила на что-то склизкое, ноги разъехались, потом одна подвернулась под другую. Парень топтался вокруг и тянул Сашу.

«Ну давай! А зачем?»

Саша поняла: если баба Тоня стала двигать шкаф, она наверняка сейчас спустит маленькую Женю с балкона.

«Да бежим!» — крикнула она, встала и силой толкнула дверь. В подъезде была абсолютная темнота, но на улице казалось еще темнее. Шагнуть в эту темноту двум маленьким детям, оставшимся в поздний час без родителей, было страшно. Она вышла на крыльцо и встала. На улице, кажется, не было уже никого. Находила метель. Снег и тревожный, раздирающий нутро шум она приносила как раз со стороны железной дороги, откуда должна была прийти с остановки мама. И откуда еще недавно в нее, Сашу, стреляли.

Мальчик Саня первым спустился с крыльца. Он походил немного туда-сюда. Заглядывал в окна. Ни одно окно на первом этаже не светило. Он встал, опустил беспомощно руки. Стоял и смотрел на Сашу. За его головой выкатилась луна. Она выскользнула из-за облака и мгновенно осветила Саню. Саша его разглядела. Потертый, пальто малое. Лицо какое-то нездоровое и как будто выплаканное. Да ну? Не может он плакать! Она смотрела на маленького рыжего Саню, а тот стоял перед ней, перед окнами этого темного чужого дома. Стоял перед всем миром один в своем маленьком пальто с оторванным хлястиком. Такой же одинокий, как Саша, он чем-то все же очень от нее отличался. От маленького Сани исходил какой-то дух отчаяния, безысходности и нашедшего в связи с ними напускного наплевательства и парнишечьей бравады.

Саня... Саня... Где же ты живешь, в каком доме? Он ведь сказал в каком, а она прослушала. Саша вспоминала только, что видела этого мальчишку иногда во дворе. Он неизменно гулял допоздна и всех провожал до квартир. А когда все расходились, что было с Саней? Несколько раз она из окна замечала, как заигрываются во дворе одинокие дети. Даже если мама делала ремонт в квартире и поздно забирала Сашу, после нее на улице все равно оставались дети. Их никто не звал и никто не забирал домой. Наверное, так играл и Саня.

Саша слишком долго в него всматривалась. Мальчик стоял перед ней под лунным прожектором и мял в руках шапку. Долго мял, пока не замерз. Натянув ушанку на голову, он внезапно спросил:

«А тебя почему не убили?»

Саша прислонилась спиной к стене, как будто на такой вопрос с открытой спиной отвечать нельзя:

«Я не знаю».

«А кто ее убил?»

«Я не знаю».

«Но ты же видела?»

«Я не видела. Там стреляли. Я убежала, а Аньки нет».

Саша помолчала немного:

«Надо туда идти. Проверить. Вдруг не умерла?»

«Да подобрали уже», — Санька махнул рукой и потом вытер рукавом сопли.

«Никто не видел. Когда начали стрелять, все спрятались. Одна пьяница только по улице шла. И еще женщина с капустой».

«Так это моя мама! Она сейчас пришла с работы. У нее полная сетка капусты».

«А почему ты не пошел домой?»

Санька уткнулся в пол.

«Не разрешают».

«Кто не разрешает?» — Саша поразилась. На улице стрельба, Аньку убили, а ему не разрешают пойти домой.

Она повторила:

«Ну кто?»

Санька уткнулся глазами в землю:

«Мать сказала до десяти не приходить. У нас новый папа».

«А сейчас сколько?»

Саша запереживала. Вдруг уже десять? Сколько они стояли и кричали мам во дворе? Сколько стучали бабе Тоне?

«А ты время знаешь?» — спросил Санька.

«Нет, у меня нет часов».

«У меня есть. Ты время знаешь?»

Санька задрал рукав левой руки — под ним, на красном лакированном ремешке, висели смешные часы с Микки Маусом. Саша оторвалась от стены и наклонилась над часами. к Сане.

«Семь пятьдесят».

«Это сколько?» — спросил, немного смущаясь, Саня.

«Почти восемь».

«Так мультики же!» — Саня вскрикнул и тут же вспомнил, что дома его не ждут.

«А ты где часы взял? Это мои часы».

Саня обиделся:

«Да я их нашел!»

«Вчера?»

«Давно нашел! И мне новый папа ремешок поменял».

Да, ремешок был другой. Саша тут же забыла про часы:

«Пойдем Женьку покричим и ко мне. У меня мама на квартире, наверное», — Саша страшно обрадовалась, что не придется одной подниматься домой. К пятиэтажке она все равно бы не побежала — не хватило сил. А мерзнуть до ночи не хотелось. Обычно когда мама задерживалась с ремонтом, Саша ждала ее у Аньки. Но Аньку теперь убили...

Саша даже осмелела и потянула мальчишку за руку. Но тот не сразу сообразил, в чем суть предложения.

«На какой квартире?»

«Да нам квартиру дали! Мама делает ремонт».

«А-а-а... И где дали?» — Саня спросил как будто без интереса.

«Улица Полевая. Дом обороны. Ты знаешь, где это?»

Саня только покачал головой — он не знал.

«Я тоже не знаю, — сказала Саша. — Но я там была. Это очень далеко. Когда мама на квартире, она возвращается поздно. Как раз в десять. Пойдем ко мне. Мы тебя потом проводим».

Саня обрадовался.

«Но сначала к Женьке», — крикнула Саша и побежала на другую сторону Анькиного дома. Луна теперь оказалась за домом, поэтому снова стало темно. Очень темно и страшно. Саша едва смогла отсчитать второй от угла балкон. Остановилась под ним и тихо закричала:

«Женя! Женя, это я».

За окнами было темно.

«Ну Женька!»

Саша не унималась. Она кричала и кричала Женьку до тех пор, пока на балконе не послышался скрип.

«Ты здесь?» — спросила Саша, задирая голову вверх.

С балкона послышался писк:

«Чего?»

«Где тетя Лена, дядя Валя?»

Женька подвинула табурет и высунулась в окно.

«А тебе зачем?»

«Аньку надо искать. В нас стреляли из окна. Мы побежали, и я потеряла Аньку».

Женька молчала. Ее рыжая голова на некоторое время скрылась с балкона.

«Убили ее!» — не выдержала Саша.

«Не убили, — пропищала Женька. — Мама и папа уже знают, к нам милиция приходила, и все потом уехали».

«С Анькой?»

«Аньке отстрелили ногу. Мама с папой поехали в больницу».

«Как отстрелили?» — вздрогнула Саша.

«А ты чего домой не идешь?» — спросила ни с того ни с сего Женька и начала слезать с табурета. Для четырех лет она неплохо соображала.

Саша испугалась, что Женька сейчас закроет окно, затем захлопнет балконную дверь и они с Саней вновь останутся одни на этой темной постылой улице.

«Мамы нету дома... — крикнула Саша в уже закрытые окна и вдруг выпалила: — Жень, я боюсь, можно к вам?»

На балконе все затихло, но потом что-то зашкрипело, открылась ставня, и Женька, вернее, ее макушка пропищала:

«Заходи».

Саша кинулась к подъезду. И тут вдруг подал голос Саня, про которого она совсем забыла. Он очень громко крикнул в сторону балкона:

«А у вас телевизор работает?»

Женька подтянулась к окну, чтобы посмотреть на Саню. Но в темноте ничего не было видно.

«Это кто?»

Саше стало стыдно, что она забыла про мальчика.

«Это Саня. Ему до десяти домой нельзя».

Женька ничего не ответила и закрыла ставню.

Саша рванула за угол, Саня побежал за ней.

«Я с тобой. Можно, я с тобой?»

Саше было стыдно. Что подумают тетя Лена и дядя Валя, когда вернутся домой? Вдруг Анька в больнице умерла? У них горе, а дома чужие дети... Но Саню было жалко. Пока они прыгали под балконом, метель совсем разошлась, луна скрылась. Саша посмотрела на свой дом и окна. Горел только один фонарь, но он освещал лишь дорогу. Во дворе было темно. И непонятно, играет ли там кто-нибудь.

«Пойдем. Только сам спроси». Они оба обогнули дом и заскочили в подъезд. Глазок в Анькиной квартире еще не светился, но баба Тоня уже двигала шкаф обратно. Пришлось подождать минуты две, пока она справилась. Наконец в глазке снова прорезался луч света, и вскоре дверь открыли. Баба Тоня впустила их, заперла дверь и пошла на кухню. Саня посмотрел на маленькую Женьку. Он не ожидал, что она такая крошечная. Наклонился к ней и спросил: «Можно у вас мультики посмотреть? У меня сегодня мама... занята».

Женька пригласила их в комнату. Там у нее уже шли мультики — она смотрела как раз «Тома и Джерри». Саня от восторга даже завизжал. Он-то спешил на «Спокойной ночи, малыши», где уже которую неделю подряд показывали старые мультфильмы с чучелами. Тома и Джерри он видел лишь однажды, когда они с мамой ходили

в гости к бухгалтеру с ее завода. У бухгалтера был дома видеомэгнитофон. А Саша никогда еще этот мультфильм не видела.

Саня даже не успел снять пальто — так и сел на полу. В комнате, кроме бабушкиной кровати и Женькиной кровати, стоял разложенный и застеленный бельем диван, но Саня постеснялся садиться на него.

А Саша аккуратно сняла шубу, смахнула с нее специальным веником снег, отряхнула шапку, все повесила на крючок и только тогда зашла в комнату. Дома она тоже могла завалиться у телевизора в шубе, но родители Аньки приучали их к порядку. И после зимней прогулки заставляли снимать на просушку теплые штаны.

Саша посмотрела на свои ноги — поверх колготок на ней были надеты распушившиеся мохеровые гетры. В их ворсинках застряли комья снега и ледышки. Саша сняла штаны и повесила их на батарею за телевизором. Саня это заметил. Он спросил Женьку:

«Можно я тоже разденусь?»

Женька равнодушно смотрела мультфильм. Тогда Саня сам разделся, придвинул стул к батарее, развесил на нем пальто, шапку. Штаны не снял. Наверное, на нем были только одни штаны.

Вдруг Саша поняла, что мультики идут не по видео — это канал «Паралакс». В девять на нем показывали мультфильмы, с десяти — обычное кино, а после полуночи — эротику. Она знала об этом от Таньки Ракоминой — у них была приставка для «Паралакса». Иногда Танька звала Сашу смотреть мультфильмы или сериал «Аптека».

«У тебя часы неправильно идут», — Саша потянула Саню за руку и посмотрела на циферблат: Санин Микки Маус все еще показывал без десяти восемь.

Саша пошла на кухню узнать. Часы висели над дверью, смотреть на них нужно было из кухни. Саша вдруг испугалась. Она всегда боялась бабы Тони каким-то не страхом, а неприязнью. Ей казалось, что баба Тоня ее не любит. И вообще не любит детей, которые отнимали все ее жизненное пространство. Поэтому Саша робко подошла к кухне и заглянула. Баба Тоня ее не видела, но Саша поздоровалась и посмотрела на часы — была почти половина десятого. В животе сразу все заледенело. Мама еще нет! Если бы она вернулась, то уже бы пришла за ней, потому что в такой час Саша может быть только у Аньки.

Вообще, хотелось есть. Они с Анькой пообедали в школе часа в четыре. Саша заглянула бабе Тоне за плечо — та мяла толкушкой в кастрюле картофельное пюре. Снова с луком! На плите грелось молоко. Все то, что Саша так не любила!

Она еще раз поздоровалась с бабой Тоней через ее спину и пошла в комнату. Но бабушка вслед крикнула: «Ужин! Зови рыжего».

Саша зашла в комнату — Саня так и сидел на полу. Только рот теперь разинул и смотрел не мигая, как на экране большой злой пес срывается с цепи и гоняет по двору кота Тома.

«Там есть зовут», — сказала она тихонько. Саня даже не услышал.

«Есть пойдем», — повторила Саша громче.

«Ага», — сказал Саня и не сдвинулся с места.

Саша пошла одна. Баба Тоня уже разложила по тарелкам картошку и разливала молочный суп. Вдруг она поставила кастрюлю, отерла руки о свой несменяемый халат и крепко прижала Сашу к себе.

«Придет мама, придет. Анютку-то нашу увезли. Не пришла домой! А ты хоть пришла, девонька моя. Не плачь, придет мама».

Саша обняла бабу Тоню, уткнулась ей в живот и заплакала:

«Убили Аньку! Убили!» — она не могла поверить, что Анька жива. Если бы Аньке только прострелили ногу, она бы ползла за ней, а Анька не ползла, это Саша точно помнит.

* * *

Баба Тоня, худая, высокая и лысая, как жердь, одной рукой прижимала Сашу к себе, а другой так и гладила по голове, когда в дверь постучали. Глухая старуха услышала стук первой. Своими совсем иссохшими руками она взяла Сашу сзади за воротник платья и спешно стала проталкивать по узкому коридору в комнату. Женька и Саня уже соскочили с пола и стояли, испуганные, в самом дальнем углу. К ним же баба Тоня поставила и Сашу. Молча она подошла к двери.

«Кто?» — крикнула она каким-то чудовищным голосом, как будто стояла не за дверью, а на краю бездны, из которой ее вызывала к себе запоздавшая смерть.

«Кто?» — рыкнула баба Тоня еще раз.

В ответ по двери забарабанили чем-то тяжелым.

«А это кто? А ну открывай? Где дети?»

Саша сразу узнала:

«Мама! Мама!»

Она кинулась к двери. Саня почему-то тоже побежал в коридор и тоже кричал «мама!».

«Это моя мама!» — она подлезла под руки бабы Тони и начала открывать замок. Но старуха не сразу отошла. Сначала она схватила Сашу за плечи, развернула к себе лицом и громко спросила:

«Мать?»

«Да, мама!» — закричала Саша. Только тогда баба Тоня стала отпирать дверь.

Пока она ковырялась с замками, засовом и цепочкой, Саша прыгала и кричала:

«Мама, я здесь! Мама!»

Саня подпрыгивал рядом: то ли он заразился радостью, то ли представил вдруг, что это и в самом деле за ним пришла мама. Он кричал сквозь дверь:

«Мы здесь! Это мы!»

Когда баба Тоня справилась с замками, Саша увидела злое и суровое лицо матери. В руках у нее была палка от раскладушки. Она зашла в коридор, встретила бабу Тоню и немного успокоилась. Она про бабушку почти ничего не знала и, видимо, когда баба Тоня зарычала через дверь, Сашина мама совсем про нее забыла. И очень испугалась этого незнакомого рыка. Но испуг быстро прошел.

«Ты почему не дома?» — мама еще злилась, но уже начала успокаиваться.

Саше так много хотелось матери объяснить. Что на улице темно и не горят фонари, что метель выдувает все внутренности и звенит в ушах тупой тоской. Что нет никого во дворе. Что всех детей за пять минут разобрали родители. Что позвали даже сиплую Сашу. Что она хотела попроситься к тете Оле Ракоминой, но та не спустилась. Что подниматься домой страшно и нет сил. Что совсем недавно в нее, восьмилетнюю Сашу, стреляли и она убегала букашкой по белому снегу.

Но вместо этого она только взвизгнула:

«Аньку убили!»

Мать выглянула в коридор проверить, нет ли там кого. Потом окончательно вошла в прихожую и закрыла за собой дверь.

«А где у тебя штаны? Ты почему без штанов?»

«Сушу. Я сейчас!»

Она забежала в комнату, сдернула с батареи штаны и на обратном ходу кое-как их напялила. Еще десять секунд, и Саша уже надела пальто, шапку и сапоги.

«Спасибо», — сказала она бабе Тоне. И потом — Женьке.

Они уже открыли дверь и вышли, как подскочил Сашка.

«Я с вами», — сказал он очень бодро и резко. Наклонился завязывать на ботинках шнурки и вдруг оттуда, снизу, беспомощно и очень жалко спросил:

«Можно?..»

Мать строго спросила:

«А ты почему не дома? Где родители?»

Саня от пола весело прожурчал:

«А мне к десяти сказали вернуться».

«И всегда ты так поздно гуляешь?»

«Когда у нас новый папа», — уже не столь задорно ответил Саня.

Сашина мать переложила палку из руки в руку, похлопала ею по ладони, как бейсбольной битой, и уже не очень строго спросила:

«И где твой папа? Где ты живешь?»

«Я в сороковом доме. На пятом этаже!»

Саша ахнула. В первый раз, когда Саня сказал, где живет, она не услышала. А теперь поняла, что сороковой дом был за их домом. Оттуда дети к ним во двор почти не ходили, потому что их площадки из окон не видно. Из сорокового дома прибегали обычно только хулиганы и беспризорники. Ненужные дети, за которыми никто не следил. И Саня, значит, ненужный. А еще ужасней, что это был самый страшный дом. Он последний дом, за ним овраг и свалка. Самое страшное место на Лесобазе.

«Ну, пойдем к твоему папе», — строго сказала мальчику Сашина мама, а потом снова постучала палкой по ладошке, будто набивала в руку сил. Ей сорок лет, ее рост метр пятьдесят, и она действительно уснула в автобусе.